

ЗАРОЖДЕНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛИСТСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В РОССИИ

(об одной методологической дискуссии 1920-х годов)

Методологические дискуссии 1920-х годов в советской политической экономии широко известны и получили достаточно подробное освещение в историко-экономической литературе. Гораздо меньшую известность имеют дискуссии, проходившие между русскими экономистами, находившимися в эмиграции. Речь, в частности, идет о полемике по методологическим вопросам между видными учеными, теоретиком институционалистского направления П.Б. Струве (1870-1944) и представителем маржиналистской «киевской школы» А.Д. Билимовичем (1876-1963)¹.

В этот период в мировой экономической науке набирало силу новое направление – институционалистское (социальное, социально-институционалистское). Непосредственной предшественницей этого направления была историческая школа второй половины XIX в.², а его философско-методологическую основу составили такие влиятельные и популярные течения в философии конца XIX-начала XX вв., как неокантианство, прагматизм и философия жизни. Идейная почва для зарождения социально-институционалистских воззрений была подготовлена, кроме упомянутых выше общефилософских течений, еще и интенсивным развитием социологии, как самостоятельной науки, во второй половине XIX в.

В методологическом и теоретическом отношении социально-институционалистское направление не было столь целостным, как альтернативное ему маржиналистское, которое уже к началу XX в. стало «главным течением» мировой экономической мысли. Однако далеко не все ученые безоговорочно приняли идеи маржинализма с его чрезмерно абстрактным, рациона-

листическим, количественным подходом к анализу экономической жизни. Оппозицию маржинализму на Западе в это время составили так называемые «периферийные» школы в экономической науке – германские новейшая историческая и социальная школы и ранний институционализм (заметим, не только американский, ибо сюда также можно отнести и англичанина Дж. Гобсона, и француза Ф. Симианда с его учениками Г. Пиру и Б. Ногаро). Данные школы мы и объединяем понятием «институционалистское направление в экономической науке» (или институционализм в широком смысле, дабы не путать его с американским институционализмом, или институционализмом в узком смысле, родоначальником которого был Т. Веблен).

Представители институционалистского направления сочли неоправданно узким и упрощающим реальную действительность методологический подход маржиналистов, анализировавших так называемую «чистую», вне социальных форм, экономику. Этому подходу был противопоставлен альтернативный, включающий рассмотрение экономики в широком социальном контексте, в единстве техноэкономических и социально-экономических процессов. Институционалисты подчеркивали, что они анализируют не абстрактно-чистую, а социальную экономику как взаимодействие институтов общества. Сами институты при этом трактовались широко, включая как социально-экономические явления, так и феномены политического, этического, правового и психологического характера, оформленные традициями, обычаями и законами. В отличие от маржиналистов центральной проблемой экономической науки представители институционализма полагали не задачу поиска оптимальных способов использования ограниченных экономических ресурсов, а исследование генезиса и развития институтов общества, а также их воздействие на эволюцию экономической жизни и трансформацию хозяйственных систем. Эволюционный подход и принцип историзма они противопоставляли маржиналистскому, чисто количественному анализу рыночной (и только ее, как «естественной») экономики в терминах статики и динамики. Предмету и задачам исследования соответствовал системный подход, согласно которому экономика анализируется не изоли-

ровано, а как одна из равноправных составных частей единой социальной системы, наряду с политикой и культурой. Системный анализ дополнялся междисциплинарным подходом. Институционализм отличает также антирационалистический подход, учет множественности мотивов и побудительных причин экономического поведения людей (особая роль отводилась при этом этическому фактору и анализу психологии индивидов и общественных групп). Принцип индетерминизма распространялся и на функционирование национальных экономических систем, исследовать которое можно лишь на основе вероятностных методов³.

В России идеи и принципы этого направления получили отражение в трудах бывших «критических марксистов» С.Н. Булгакова («Философия хозяйства», 1912), М.И. Туган-Барановского («Социальная теория распределения», 1913) и П.Б. Струве («Хозяйство и цена», 1913-1916). Данных экономистов иногда объединяют в «русскую социальную школу» (правда, Туган-Барановского – с оговорками, учитывая известный эклектизм его постмарксистских взглядов)⁴. Мы называем их также институционалистами, имея в виду широкое понимание этого термина. То, что в нашей стране на позиции институционализма перешли не представители исторической школы, имевшей широкое распространение в академических и властных кругах, а именно бывшие марксисты, нам представляется отнюдь не случайным. Это связано не только с огромной ролью и чрезвычайной популярностью марксизма в специфических социально-экономических условиях пореформенной России, где он был, по словам философа С.Л. Франка, «первым последовательным *западничеством*»⁵. Самая проблематика марксизма – стремление исследовать внутреннюю структуру общества, роль и взаимодействие социальных институтов, раскрыть причины, движущие силы, характер и направленность социально-экономического развития – была очень близка институционализму и облегчала переход русских «критических марксистов» на его позиции. Параллельно с институционализмом в России развивалось маржиналистское направление, одним из центров которого был Киевский университет, где преподавал и заведовал кафедрой А.Д. Би-

лимович. Однако это развитие сдерживалось как в силу объективных причин (недостаточная степень развития товарного хозяйства и капитализма, засилье феодальных пережитков, обострение комплекса социально-экономических, политических и культурных противоречий накануне революции), так и особенностями психологии русского образованного общества, большей части которого были чужды принципы индивидуализма, эгоизма, гедонизма и т.д. Как справедливо замечает А.Г. Худокормов, «в сложившейся ситуации удивительно не то, что маржинализм в России не превратился в доминирующее направление, а то, что он вообще сформировался как отдельное течение, сопряженное с самого начала с передовыми экономико-математическими исследованиями»⁶. Таким образом, вся совокупность объективных и субъективных условий российской общественной жизни в начале XX в. формировала социальную направленность исследований русских экономистов. Показательно, что, например, М.И. Туган-Барановский полагал важнейшей задачей экономической теории органический синтез научных достижений маржинализма (теория предельной полезности как единственно научная, по его мнению, теория ценности) и марксизма (учение о социальной основе всех явлений капиталистического хозяйства)⁷.

П.Б. Струве первым из русских «критических марксистов» в экономической теории перешел на позиции институционалистского направления (параллельно с мировоззренческой эволюцией «от марксизма к идеализму»). Важнейшую роль в этом переходе сыграла опубликованная в 1900 г. в журнале «Жизнь» работа Струве «К критике некоторых основных проблем и положений политической экономии»⁸. В ней были сформулированы основы методологии исследования и теоретические принципы нового экономического учения Струве, в частности, содержался первоначальный вариант его теории «идеальных типов хозяйства». Символичен был сделанный Струве вывод о том, что «научным девизом современной политической экономии следовало бы взять... формулу: *научный путь проходит через систему Маркса, но выводит из нее и ведет дальше*»⁹.

В книге «Хозяйство и цена» (ч. 1 – 1913, ч. 2 – 1916) была изложена оригинальная теория хозяйства Струве, находящаяся в русле институционалистского направления. Выделим его ключевые идеи и концепции, выдержанные в этом духе. Прежде всего, это критика идеи «естественного закона» в политической экономии и обоснование принципа «*основного и имманентного дуализма общественно-экономического процесса*», согласно которому в едином общественно-экономическом процессе есть два ряда явлений, существенно отличающиеся один от другого: «Один ряд, могущий быть рационализированным, т.е. направленным согласно воле того или иного субъекта, другой ряд, не могущий быть рационализированным, протекающий стихийно, вне соответствия с волей какого-либо субъекта»¹⁰. (На основе этого принципа Струве критиковал либеральную политическую экономию с ее верой в рационализацию социально-экономической жизни посредством «свободной игры хозяйственных сил»). Затем отметим проведенное Струве различие *хозяйственного строя* общества и его *социального строя* и вытекающую из него классификацию экономических категорий на *хозяйственные, междухозяйственные и социальные*, которые применялись им для анализа хозяйственных систем. Струве был последовательным сторонником идиографического метода исследования в экономической науке и отстаивал его примат над номотетическим¹¹. В основу идиографического описания хозяйственной жизни он положил категорию цены, назвав свою теорию «системой политической экономии, построенной на понятии цены». «Цена и абстрактно есть основная экономическая (междухозяйственная) категория, и конкретно она есть основное данное, из которого строится вся экономическая действительность и которое должно быть положено в основу всякого экономического описания»¹², – подчеркивал Струве. Что же касается его теории цены-ценности, то она имела всецело эмпирический (статистический) характер и противопоставлялась им «метафизическим» теориям ценности (как объективным, так и субъективным) традиционной политической экономии.

Как институционалист, Струве внес значительный вклад в теорию экономических систем (здесь его исследования соприкасались с трудами предста-

вителей «новой исторической школы» М. Вебера и В. Зомбарта). В зависимости от способа хозяйственной организации общества, как системы хозяйственного сосуществования множества автономных («сингулярных») хозяйств, Струве выделил три идеальных типа хозяйственного строя: 1) *совокупность рядом стоящих хозяйств*, 2) *систему взаимодействующих хозяйств* и 3) *общество-хозяйство*¹³. Это идеально-типическое построение Струве методологически вытекает из его социологической концепции – различения трех видов общественного «целого» в его отношении к «частям». Целое может быть простой совокупностью своих элементарных частей, либо системой взаимодействующих единиц, либо, наконец, единством, составленным из тождественных частей и подчиненным целеполагающему управляющему центру. В целом теория «идеальных типов хозяйственного строя» Струве предвосхитила концепцию хозяйственных порядков немецкого экономиста В. Ойкена¹⁴.

Дискуссия, освещаемая в данной статье, сыграла важную роль в дальнейшем формировании российской версии институционалистской экономической теории. В ходе дискуссии на страницах издававшегося в Берлине под редакцией С.Н. Прокоповича журнала «Экономический вестник» были противопоставлены институционалистская позиция Струве и маргиналистский подход Билимовича¹⁵. В центре внимания экономистов оказалось понятие «равновесие» как онтологическая и феноменологическая проблема хозяйственной жизни. Однако дискуссия вышла за рамки этой проблемы, затронув коренные вопросы «научной картины экономического мира».

Дадим сравнительную характеристику позиций участников дискуссии, для чего возьмем за основу их сопоставление в статье Билимовича. (Это тем более правомерно, что сам Струве выражал признание своему оппоненту «за постановку вопросов в ясной и выпуклой форме»). Остановимся при этом на принципиальных положениях методологического характера (см. табл. 1).

Таблица 1

Сравнительная характеристика методологических принципов маргиналистской теории и концепции Струве

Маржиналистская теория	Институционалистская теория Струве
1. Применение количественных рассуждений к психическим явлениям.	1. Психические переживания не суть величины.
2. Понятие экономического равновесия, играющее важную роль в построениях теоретиков австрийской и математической школ.	2. Обычно применяемое экономистами понятие равновесия не отвечает действительности.
3. Предпосылка единства издержек производства.	3. Издержки производства не одинаковы.
4. Исключение из схем равновесия предпринимательской прибыли.	4. Предпринимательская прибыль, не укладывающаяся в статическую схему равновесия, не должна быть устраняема.
5. Статическая концепция хозяйства.	5. Хозяйственный процесс не статичен, а подвержен постоянным изменениям.
6. Предпосылка однозначной детерминированности поведения хозяйствующих индивидуумов.	6. Поведение индивидуумов не детерминировано однозначно, а «самочинно».

Составлено по: Билимович А.Д. Два подхода к научной картине экономического мира // Экономический Вестник. Берлин. 1924. Кн. 3 (1). С. 4-5.

Принцип равновесия и анализ равновесных состояний в экономике, как известно – одно из центральных положений маржиналистской теории. Струве усматривал истоки идеи «равновесия» еще у древних мыслителей (Аристотель, схоласты). Однако непосредственно теория равновесия выросла из философии XVII-XVIII вв., ориентированной на математику и естествознание (Бэкон, Декарт, Гоббс, Ньютон). Концепция равновесия была порождена воспринятыми от

этой философии и утвердившимися в экономической науке механистическим мышлением и учением о «естественном законе». Согласно Струве, идея равновесия может быть представлена в экономическом мышлении двояким образом: «Во-первых, как идея онтологическая, идея о присущем с необходимостью экономическому процессу свойстве, которое господствует над его феноменами и ими управляет. И, во-вторых, как идея чисто феноменологическая, как идея особого явления, *равноправного* со всеми другими экономическими феноменами, явления, представляющего не общий закон экономической жизни, а некое возможное и вероятное ее "состояние"»¹⁶. С этой позиции все теории ценности – и объективные, и субъективные – возводя понятие равновесия в закон, «номологизируя» его, придают ему особое положение. Тем самым, как отмечал Струве, все эти теории в отношении к равновесию впадают в своего рода «онтологизм»: этой идее присваивается значение некоей стоящей над экономическими явлениями и управляющей ими «сущности». В экономическом мышлении представителей классической политической экономии, а затем и маржиналистов идея «равновесия» стала присутствовать как онтологическая, как свойство, имманентное экономическим процессам, и ими управляющее. Таким образом, в основе понимания «равновесия» как закона экономических явлений, по мнению Струве, лежит отождествление экономических систем и соотношений с системами механическими, устроенными по законам классической механики.

В связи с этим Струве останавливается на вопросе об аналогии с физико-химическими феноменами как методе познания экономических процессов и явлений. Он считает этот метод, столь излюбленный в маржиналистской теории, вполне правомерным в экономических исследованиях. Однако аналогию нужно искать, по его мнению, не с теми природными феноменами, которые изучала классическая механика, а с теми явлениями и процессами, которыми занимаются новые разделы физики – статистическая физика, физика элементарных частиц, квантовая механика (здесь он цитирует и ссылается на Л. Больцмана и М. Планка). Именно с этими сложными, имеющими дискретную, вероятностную, статистическую природу формами движения материи, которые не поддаются

анализу методами классической физики, образуют, по выражению Струве, «полную и глубокую аналогию» экономические феномены.

Используя аналогию со статистической физикой, Струве утверждает, что и экономические, в частности, рыночные процессы имеют неустойчивый, случайный, вероятностный характер. «Хозяйственная жизнь складывается из множества отдельных действий хозяйствующих субъектов, которые, будучи в общем и формально мотивами так называемого хозяйственного расчета, в своей индивидуальной, "микроскопической" конкретности случайны в точном смысле этого слова. "Микроскопически" действия продавцов и покупателей определяются расчетом, ориентированным с разной, бесконечно дифференцированной, осведомленностью о положении рынка, столь же дифференцированной разумностью и с неопределенной подвижностью во времени субъективных оценок (проектов, или заявок цен) и их окончательных денежных выражений, или значений, каковыми являются реализованные, "сделанные" цены. Эти неопределенно многообразные цены имеют тенденцию к единству, или "равновесию", это единство и эти состояния "равновесия" неустойчивы, подвержены постоянным и непрерывным колебаниям»¹⁷. Как видно, здесь Струве выделяет те черты рыночного процесса, которые игнорировались маржиналистской теорией экономического равновесия. В современных терминах, это – неполная рациональность экономического поведения, асимметричное распределение информации среди участников рынка, изменчивость их субъективных оценок и, как следствие, рыночных цен.

Результатом проведенного Струве критического рассмотрения различных маржиналистских вариантов концепции равновесия (Бем-Баверка, Маршалла, математической школы) стало отрицание им этой, доминирующей в политической экономии со времен Тюрго, концепции, как механистической и статической, устраняющей факторы времени и изменения из экономического анализа. В связи с этим он утверждает, что популярное в экономической науке различение «статики» и «динамики» является непродуманным и неточным, как терминологически, так и по существу. «Это совершенно не соответствует предмету,

или материи экономической науки, материи подвижной и даже текучей, дискретной и прерывной по существу»¹⁸, – указывает Струве. Так же, как современная физика, политическая экономия должна проверять свои теоретические выводы эмпирически, а потому она должна, прежде всего, осознать текучую и прерывную природу экономической материи, данной ей в опыте. Поэтому даже последняя ко времени написания его статьи концепция равновесия Парето-Фурлана, характеризующая равновесие не как статическое, а как динамическое, отвергается им, как несостоятельная. Струве подчеркивает, что для политической экономии, как и для современной физики, методологически существенно противоположение «динамического» («механического») и «статистического» (а не «динамического» и «статического») равновесия. Именно оно онтологически соответствует предмету экономической науки.

В связи с этим Струве обращает внимание на такой «практический» недостаток концепции Парето-Фурлана, как математическая неразрешимость проблемы общего экономического равновесия (известные к началу 1920-х гг. математические методы были недостаточны для решения систем уравнений общего экономического равновесия). Более важно, однако, что математическое рассмотрение экономических явлений часто ставит себе принципиально неразрешимые задачи, ибо эти явления и отражающие их понятия не поддаются полному облечению в форму количественных закономерностей. Таковы, в частности, фигурирующие в уравнениях равновесия Джевонса и других представителей математической школы субъективные оценки полезности благ, тягости труда и т.п. Цитируя французского ученого Пэнлэвэ, Струве солидаризируется со следующим его выводом: «...Количественные рассуждения в применении к вещам, которые не суть количества, ибо они не измеримы – вот тот первый мало ободряющий аспект, под которым представляется нам математическая экономия»¹⁹.

Проблема, однако, состоит не только в ограниченности математических методов экономического исследования, как таковых. По мнению Струве, вопрос заключается не в том, является ли «механический» (включая сюда и «ма-

тематическое рассуждение») подход к экономическим процессам логически возможным, а в том, соответствует ли он существованию экономических явлений, текучей и прерывистой природе «экономической материи»? На этот вопрос Струве отвечает отрицательно. «В экономике какие-то подлежащие определению в каждом отдельном случае "индивиды" должны быть сосчитаны, сведены в разряды и категории, т.е. именно трактуемы как индивидуально весьма различные единицы, объединяемые лишь по "признакам" в некие статистически обозримые "совокупности"»²⁰. Без подобной статистической обработки экономическая теория сводится либо к построению общих понятий и формулированию дефиниций, либо к лишенному количественных статистических характеристик описанию конкретных явлений данного места и времени при помощи этих понятий. Плодотворное измерение в экономике, по мнению Струве, может осуществляться только с помощью статистических методов, что следует, как ни странно, именно из основного положения математической школы о всесторонней взаимозависимости экономических явлений. «Эта всесторонняя взаимозависимость, – пишет Струве, – непреодолима для "механического", или "динамического", в противоположность статистическому, рассмотрению. Если мы к этому прибавим, что экономические "индивиды", с точки зрения экономического познания, не являются абсолютно детерминированными какими-нибудь известными нам силами, а "контингентны"..., "самочинны" или "бесчинны", то эти два условия необходимы и достаточны для выставления методического постулата о том, что точное познание в экономике возможно только либо в форме статистической разработки, либо в форме фактического описания неисчислимых статистически феноменов и сторон»²¹.

В противовес механистическому подходу маржинализма Струве, как институционалист, выдвинул положение о неопределенной, вероятностной и дискретной природе экономических процессов и явлений, что требует коренного изменения методов их познания. «Суть дела заключается в том, – подчеркивал он, – что экономическая действительность может быть и мыслима, и наблюдаема только как действительность многозначная и прерывная. *Многозначность и*

прерывность суть необходимые предпосылки экономической теории. Этот характер предпосылок обуславливает необходимость полного преобразования нашей картины экономического мира. В этом мире нет статического равновесия и нет даже никакого приближения к нему. Статически он, поэтому, рассматриваем быть не может. ...Отсюда вытекает статистическая природа могущих претендовать на точность экономических обобщений; эта природа повелительно диктует статификацию... нашей науки»²².

Отвергая механистическое понимание равновесия, Струве, тем не менее, оставлял концепции равновесия, как таковой, определенное место в экономической науке. Это место он определял, используя аналогию с кинетическим характером химических процессов и равновесия в химии, следующим образом: «Как бы то ни было, в экономике речь может идти не о статическом, а о кинетическом равновесии. И, в частности, тут состояния равновесия определяются, как результат действия множества величин, действия, которое может быть точно устанавливаемо только при помощи статистических наблюдений»²³. Кинетическое равновесие в экономике он характеризовал как равновесие чрезвычайно подвижное, подверженное непрерывным случайным колебаниям.

В хозяйственной же практике областью применимости концепции равновесия, по мнению Струве, является соотношение между «натуральным» и «денежным» моментами в хозяйстве. Здесь он одним из первых среди экономистов указал на необходимость балансовых исчислений натуральной и денежно-стоимостной сторон хозяйственной деятельности. Особое значение им придавалось бухгалтерскому учету, статистическая обработка и теоретическое осмысление эмпирических данных которого составляет практический смысл концепции «статификации экономической теории», на которой настаивал Струве²⁴.

Важным пунктом его разногласий с традиционной теорией стала предпосылка концепции равновесия о единстве издержек производства конкурирующих предприятий. Как отмечал Струве, все теории, кладущие в основу цены и ценности издержки производства, а также (согласно его определению) «мате-

матически-субъективистская школа» в лице Вальраса сделали из тенденции движения издержек к единству и равенству один из устоев концепции общего экономического «равновесия». Однако в таком случае перед теоретиками, разделявшими посылку единства издержек в сочетании с учением о производительных услугах факторов производства, вставала дилемма: либо утверждать о невозможности существования предпринимательской прибыли в состоянии общего равновесия, либо же рассматривать ее как разновидность заработной платы предпринимателя. Так, Вальрас придерживался первого подхода. Шумпетер, по выражению Струве, «методически следующий по стопам Вальраса», из этих затруднений выходит с помощью признания не только предпринимательской прибыли, но и процента на капитал доходом «динамическим», а не «статическим». «Так совершается *reductio ad absurdum* механической концепции "равновесия" в ее применении к хозяйственной жизни»²⁵, – заключал Струве.

В отличие от модели равновесия, в экономической реальности издержки производства могут выравниваться в гораздо меньшей мере, чем рыночные цены. Иначе говоря, общее правило состоит в том, что относительно единым ценам соответствуют в каждый данный момент целые спектры («лестницы») издержек производства. Механистическая концепция экономического равновесия исходила из положения о том, что эта множественность издержек будет преодолена «естественным» образом, в результате рыночной конкуренции. Не отрицая наличие подобной тенденции к «выравниванию» издержек в реальной хозяйственной жизни, Струве, тем не менее, подчеркивает, что данная тенденция не может в принципе привести к такому преодолению их неравенства, которое было бы сопоставимо даже с относительным единством рыночных цен. «Если издержки производства устойчивы, то они *устойчивы в своем неравенстве*, а не в своем равенстве»²⁶.

В ответной полемической статье Билимовича²⁷ проводился критический разбор позиции Струве, и отстаивались противоположные его выводам принципы маржинализма (см. табл. 1). По мнению Билимовича, своей статьей Стру-

ве завершает отход от абстрактной теории к статистическому познанию хозяйственных явлений, намеченный уже в его предыдущих работах. «Она бьет не по одной концепции равновесия, а по абстрактной экономической теории вообще, от Turgot до Pareto»²⁸. Концепция равновесия у Струве фигурирует лишь как наиболее яркий пример абстрактной теории. В связи с таким пониманием позиции Струве Билимович отводит ему в истории развития экономической науки место продолжателя методологических традиций исторической школы, противопоставляя в этом аспекте две линии: *физиократы-классики – Менгер – экономисты-математики* и *Рошер-Книс – Шмоллер – Симианд – Струве* (здесь весьма показательно, на наш взгляд, еще и то, что Билимович объединяет взгляды Струве и французского институционалиста, их современника Ф. Симианда). Однако, по утверждению Билимовича, Струве является более непримиримым противником абстрактной теории, ибо его расхождение с ней касается не только метода исследования, а носит глубинный, «онтологический» характер²⁹.

По поводу возможности «обращения с психическими переживаниями, как с величинами» Билимович писал: «...Ошибочна не вообще всякая теория, оперирующая с психическими переживаниями, как с величинами, а лишь теория, обращающаяся с ними, и притом не в целях иллюстрации, а в целях доказательства, как с измеримыми величинами»³⁰. Поэтому по отношению к ним вполне правомерен порядковый подход, который, по его мнению, не затрагивается возражениями Струве.

Что касается понятия равновесия, то его Билимович трактовал исключительно в феноменологическом, а не онтологическом, духе, «...как простое явление, наступающее на рынке». Теория же равновесия, по его замечанию, хотя и является абстрактной схемой, но, во-первых, имеет реальные основания, а, во-вторых, несмотря на все упрощающие предпосылки, «...она обрисовывает и разъясняет то самое существенное, что есть в механизме образования цены»³¹. Можно признать эту теорию неполной и желать внесения поправок (например,

на неполную осведомленность и т.д.). Однако отвержение всей теории из-за упрощенности ее посылок Билимович считал неправомерным.

Билимович, согласившись с некоторыми критическими замечаниями Струве в адрес маржиналистской теории в вопросе об издержках и прибыли, в частности, признал, что теория равновесия должна учитывать факт множественности издержек производства и дать объяснение процесса образования единой цены в этих условиях. Билимович признал также неправомерность исключения предпринимательской прибыли при равновесии рынка в «статическом хозяйстве» (концепции Вальраса, Кларка, Шумпетера). Однако, как отмечал Билимович, эти дефекты современной теории равновесия, на которые правильно указал Струве, не вытекают из ее существа и не могут служить доказательством абсурдности этой теории³².

Билимович согласился со Струве и в том, что противопоставление «статики» и «динамики» страдает неточностью. Однако вместо этого противопоставления он предложил различать теорию «стационарного» и теорию «нестационарного» («изменяющегося») хозяйства. При этом теория стационарного хозяйства, по его мнению, логически необходима, как предварительный этап для построения более реалистичной теории изменяющегося хозяйства. «Текучесть хозяйственной жизни ... не исключает не только абстрактной теории вообще, но и теории стационарного хозяйства»³³, – писал Билимович.

Касаясь положения об однозначной детерминированности поведения индивидов, Билимович соглашался с тем, что хозяйственное поведение людей крайне разнообразно и различно мотивировано. Однако стремление к хозяйственной выгоде, по его мнению, – наиболее массовый мотив экономической деятельности, проявляемый в большинстве случаев, а потому данная предпосылка наиболее реалистична, плодотворна и оправдана в методологическом отношении. «Желающие конкретизировать абстрактные схемы должны определить, насколько данные люди руководятся другими мотивами, и ввести на этот счет соответствующие поправки»³⁴, – утверждал Билимович.

Критикуя позицию Струве, он указывал на то, что каузально-теоретический подход к исследованию хозяйственных явлений не только «логически мыслим», но и может быть вполне реалистичен, адекватен природе этих явлений, а значит, он имеет полное право на существование. Вывод Билимовича состоял в том, что оба подхода, абстрактно-теоретический и эмпирический (статистический), соответственно, хозяйственная номография и хозяйственная идиография, не только не исключают, но взаимно дополняют друг друга в познании экономической жизни. Теоретический подход, по его мнению, дает анализ *причинных* отношений между хозяйственными явлениями, тогда как в компетенцию статистического подхода входит установление *функциональных* взаимоотношений между ними. «Резюмируя свой конечный вывод, — писал Билимович, — могу сказать. На статистический подход должно быть обращено больше внимания, чем это делала экономическая наука до сих пор. Разработка приемов этого подхода и добытых им результатов, уверен, займет видное место в этой науке. Из нее, несомненно, вырастет особая отрасль этой науки (статистическая хозяйственная идиография)... Но все это, вопреки мнению П.Б. Струве, не исключает ни чисто познавательной, ни даже практической важности каузально-теоретического подхода (хозяйственной номографии). Более того. Для успешности и самой возможности статистического подхода необходим подход теоретический»³⁵.

Во второй полемической статье³⁶ в ответ на критику Билимовича Струве усиливал свою аргументацию против механистической теории равновесия. При этом он опирался на собственное понимание экономической природы обмена, подчеркивая его *первичность* и *своеобразие* как одного из «основных фактических обстоятельств хозяйственного мира»: «...Самое понятие равновесия, ...поскольку оно предполагает понятие "физического"..., то есть предсуществующего, потому предизмеренного или предизмеримого, равенства, неприменимо к экономическому миру, где равенство устанавливается в самом процессе обмена и в нем же "снимается", или "упраздняется"»³⁷.

Возвращаясь к проблеме различения экономической статики и динамики, Струве отвергает предложенную Билимовичем концепцию «стационарного хозяйства» как экономически бессодержательную, не вносящую ничего нового по сравнению с «экономической статикой». В «стационарном состоянии», когда в каждый период времени производятся и потребляются одни и те же блага, в одних и тех же количествах, спрос, предложение и цены, при которых они уравниваются, остаются неизменными, – в таком состоянии просто нет и не может возникнуть никаких экономических проблем. Поэтому умозрительная схема «стационарного хозяйства», как подчеркивает Струве, для экономиста абсолютно неинтересна. Вместо этой бессодержательной абстракции он предлагает альтернативу, состоящую из двух исходных и основных предпосылок экономического исследования: «1) Множественность и подвижность тех элементарных "сингулярных фактов", с которых начинается экономическое рассуждение – множественность ценовых заявок. Множественность этих заявок вытекает из множественности хозяйствующих субъектов, без которой "вторичное хозяйствование" не мыслимо... 2) второе *основное* предположение экономического рассуждения есть предположение обмена и цены. Равенство в экономической жизни предстает во образе ценностного равенства различных благ, принадлежащих не менее чем двум субъектам. Это *равенство* есть всегда отношение-событие: оно *существует, лишь пока оно осуществляется*»³⁸.

В вопросе об области применимости математических методов в экономике Струве отвергал не только количественный, но и порядковый подход, на возможность и правомерность которого указывал Билимович. Согласно Струве, сущность математического рассуждения заключается в обезличении разнородного «Реального». В экономическом мире подобное достигается при помощи взаимосвязанных понятий цены и денег. Однако даже в отношении этих понятий область применимости математических рассуждений весьма ограничена, зато здесь открывается широкое поле для статистических методов исследования. Хотя цены формально однородны и безличны, их психологические предпосылки разнородны и индивидуальны. «Поскольку математическое направле-

ние политической экономии ударилось в математическую обработку психологических основ экономических явлений, оно применило к многообразному и разнородному миру душевных переживаний совершенно противоречащий его природе прием обезличения»³⁹, – подчеркивает Струве.

Отвергая базовую предпосылку концепции равновесия о единстве издержек производства конкурирующих предприятий и отсутствии предпринимательской прибыли в условиях «статике», Струве отмечал, что, в отличие от рыночной цены, относительно *единой* для множества хозяйствующих субъектов, издержки производства *множественны* по определению, именно вследствие множественности этих субъектов. Этой множественностью «...определяется та *разнородность и разномогущество хозяйств*, как таковых, которая в отношении издержек производства, *в отличие от цен*, не поддается сколько-нибудь далеко идущему объединению и обезличению на рынке»⁴⁰.

Рассматривая вопрос о характере экономического поведения индивидов и степени его детерминированности, Струве, не отрицая значения хозяйственного расчета, в свое описание хозяйства в качестве основного признака *вторичного (денежно-ценового)* хозяйствования сознательно включал не предпосылку эгоизма, а признак *возмездности* хозяйственных действий. По его мнению, признак возмездности является гораздо более общим и более реалистичным, нежели предпосылка здравого расчета собственной выгоды.

Завершая свою полемику с маржиналистской теорией, Струве обращает внимание на ее коренной методологический порок. «Ошибочность точки зрения А.Д. Билимовича, – пишет он, – как и всех концепций механически-математической политической экономии, коренится в неусмотрении логической природы эмпирического знания, к области которого относится и политическая экономия. Он рассуждает *more geometrico* в области, где плодотворна либо чистая индукция, либо статистический подход»⁴¹. Это несоответствие метода исследования природе предмета экономической науки связано, по мысли Струве, со смешением наук о реальном бытии во времени, или знания апостериорного, к которому относится и политическая экономия, с науками об иде-

альном и безвременном бытии, каковыми являются математика и логика, представляющие знание априорное. «Эмпирическая наука может строить общие понятия, но она не может вовсе отвлекаться от "действительности", в отличие от математики. Самая природа предмета ставит поэтому и "абстракции", и "дедукции" во всякой эмпирической науке... совершенно другие границы, чем в математике»⁴². Как полагал Струве, даже если бы в экономической науке было возможно широкое применение дедукции, ее принципы должны были бы быть иными, нежели те «нецелесообразные фикции», из которых исходит основанная на концепции «равновесия» политическая экономия: «статическая предпосылка» и рассмотрение равенства в обмене как полного аналога равенства в физическом мире. «Это просто предметно неверные предпосылки. Хозяйственный мир подвижен и текуч, многообразен и многокачествен, и "отвлекаться" от этой его природы – значит преграждать себе путь к его Познанию»⁴³.

Значение дискуссии 1923-24 гг. о «научной картине экономического мира», на наш взгляд, выходит далеко за рамки литературной полемики в кругах русской эмиграции. Во-первых, дискуссия фактически стала завершающим пунктом формирования оригинальной институционалистской теории хозяйства Струве. Во-вторых, в результате дискуссии произошло строгое размежевание методологических и теоретических позиций двух направлений русской экономической мысли – институционалистского и маржиналистского. Наконец (и это главное), в ходе данной дискуссии Струве были развиты и ясно сформулированы основные принципы российской версии институционализма, проявились его характерные черты (находившиеся, впрочем, в русле основных тенденций этого направления).

К основным из этих принципов следует отнести: примат эмпирического подхода в исследовании над абстрактно-дедуктивным, хозяйственной идиографии над номографией; отрицание идеи «естественного закона» в хозяйственной жизни; скептическое отношение к возможностям математических методов и физических аналогий в экономике; резкую критику маржиналистской модели рынка и связанных с ней концепций «равновесия», «статики и динамики», про-

тивопоставление им принципа историзма в экономической науке, идеи эволюционного экономического развития; неприятие концепции «экономического человека» классиков и маржиналистов, отстаивание положения о недетерминированности поведения хозяйствующих субъектов; подчеркивание дискретного, неопределенного, вероятностного характера экономических явлений и процессов, который проецируется на функционирование экономической системы общества в целом; акцент на социальную обусловленность хозяйственного поведения и экономических институтов, чему соответствует социальный подход в исследовании мира хозяйства.

В целом дискуссия продемонстрировала, что уже в первой четверти XX в. отечественная экономическая теория, миновав этап «догоняющего развития», достигла международного уровня и вошла в группу лидеров мировой экономической науки. Это означало, что все основные направления экономической мысли, включая маржиналистское и социально-институционалистское, были представлены в российской политической экономии на достаточно высоком уровне, а ведущие русские экономисты выдвинули оригинальные идеи и теории, получившие признание в мире. В силу известных исторических причин эти научные достижения не получили полноценного воплощения в отечественной экономической науке. Тем важнее, критически переосмыслив, учитывать их на современном этапе развития экономической теории в России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Отдельные аспекты этой полемики получили отражение в книге: *Экономисты русской эмиграции* / Под общ. ред. Э.Б. Корицкого. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2000. Однако в данной работе, во-первых, не получило достаточно полного освещения само содержание дискуссии между Струве и Билимовичем, и, во-вторых, не была дана адекватная историко-экономическая оценка ее значения.

² На тесную близость исторической школы (в целом) и раннего американского институционализма указывает японский историк экономической мысли Т. Негиши, который пишет: «Институционализм представляет собой американское направление исторической школы». (См.: *Негиши Т. История экономических учений*. М.: АО «Аспект Пресс», 1995. С. 34).

³ Общая характеристика институционалистского направления в экономической науке и его особенностей в России дается в работах М.Г. Покидченко и Л.М. Ипполитова. (См.: *Покидченко М.Г., Чаплыгина И.Г. История экономических учений*). М.: ИНФРА-М, 2005. С. 116-141; *Покидченко М.Г. Социально-экономическая мысль России середины XVIII – начала XX в.* // Покидченко М.Г., Сперанская Л.Н., Дробышевская Т.А. Пути развития экономики России: теория и практика. – М.: ИНФРА-М,

2005. С. 113-125; *Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. В 5 т. Т. III. Эпоха социальных переломов* / Отв. ред. А.Г. Худокормов. М.: Мысль, 2005. С. 813-838; *Инполитов Л.М.* Типология промышленного капитализма С.Н. Булгакова // *Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика.* 2006. № 5. С. 3-14).

⁴ См.: *Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. В 5 т. Т. III. Эпоха социальных переломов* / Отв. ред. А.Г. Худокормов. – М.: Мысль, 2005. С. 669-670, 727, 813-838.

⁵ *Франк С.Л.* Умственный склад, личность и воззрения П.Б. Струве // Струве П.Б. *Patriotica: Политика, культура, религия, социализм* / Сост. В.Н. Жукова и А.П. Полякова. – М.: Республика, 1997. С. 484.

⁶ *Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. В 5 т. Т. III. Эпоха социальных переломов* / Отв. ред. А.Г. Худокормов. – М.: Мысль, 2005. С. 840.

⁷ См.: *Туган-Барановский М.И.* Социальная теория распределения. – СПб., 1913. С. 1-2.

⁸ См.: *Жизнь.* 1900. Т. III. С. 361-392; Т. VI. С. 249-272.

⁹ *Струве П.Б.* К критике некоторых основных проблем и положений политической экономии // *Жизнь.* 1900. Т. VI. С. 270.

¹⁰ *Струве П.Б.* Хозяйство и цена. Критические исследования по теории и истории хозяйственной жизни. Ч. 1. – СПб. – М., 1913. С. 60-61.

¹¹ Различение идиографического (индивидуализирующего) и номотетического (генерализирующего) методов научного познания впервые было проведено представителями неокантианства В. Виндельбаном и Г. Риккертом. Номотетический метод (от греч. *nomos-teteo* – издавать, устанавливать законы) представляет собой способ познания, цель которого – установление общего, имеющего форму закона явлений. Логически противоположный ему идиографический метод (от греч. *idios* – особенный, своеобразный, странный, необычный, неслыханный и *grapho* – пишу) – это способ познания, целью которого является изображение объекта как единого уникального целого в его индивидуальности и неповторимости.

¹² *Струве П.Б.* Хозяйство и цена. Критические исследования по теории и истории хозяйственной жизни. Ч. 2. – М., 1916. С. 70.

¹³ См.: *Струве П.Б.* Хозяйство и цена. Ч. 1. СПб. М., 1913. С. 7-16.

¹⁴ Более подробная характеристика данной теории Струве дается в статье: *Инполитов Л.М.* Теория «идеальных типов хозяйственного строя» П.Б. Струве // *Философия хозяйства.* 2006. № 5. С. 104-110.

¹⁵ В рамках этой дискуссии Струве опубликовал в 1923-1924 гг. две статьи: "Научная картина экономического мира и понятие "равновесия" (1923); "Первичность и своеобразие обмена и проблема "равновесия". Ответ А.Д. Билимовичу" (1924). К ним примыкают по содержанию еще две статьи: "Хозяйствование, хозяйство, общество. Основные понятия экономической науки" (1923); "Некоторые основные понятия экономической науки" (1924). Как отмечал в первой из этих статей сам Струве, это его исследование представляет собой выполнение обещания, данного им в первом выпуске части второй книги «Хозяйство и цена» (не завершенной автором), и вместе со статьей «Проблема капитала в системе политической экономии, построенной на понятии цены» (1917) «...доводит до конца этот труд в его основных линиях». (См.: *Струве П.Б.* Научная картина экономического мира и понятие "равновесия" // *Экономический Вестник.* Берлин. 1923. Кн. 1. С. 5, примечание).

¹⁶ *Струве П.Б.* Научная картина экономического мира и понятие «равновесия» // *Экономический Вестник.* Берлин. 1923. Кн. 1. С. 6.

¹⁷ *Струве П.Б.* Научная картина экономического мира и понятие «равновесия». С. 12-13.

¹⁸ Там же. С. 14.

¹⁹ *Струве П.Б.* Научная картина экономического мира и понятие «равновесия». С. 17.

²⁰ Там же. С. 16.

²¹ Там же.

²² *Струве П.Б.* Научная картина экономического мира и понятие «равновесия». С. 20.

²³ Там же. С. 19.

²⁴ Необходимо подчеркнуть, что проведенный Струве критический анализ концепции равновесия находился в русле развивавшейся в это время институционалистской теории, соответствовал ее базовым принципам. Критика теории равновесия и связанного с ней статического подхода вообще была характерной чертой воззрений ранних институционалистов, в частности, Т. Веблена и У. Митчелла. Последний, размышляя над возможностью применения концепции равновесия при построении теории экономических циклов, указывал на опасность буквального и некритического использования метода аналогии, когда понятия и законы механики непосредственно переносятся на экономические

процессы. Митчелл пришел к выводу, аналогичному тому, который был сделан и Струве: исследование хозяйственной конъюнктуры в терминах концепции равновесия нужно проводить не с помощью бесплодных аналогий с классической механикой, а с использованием балансовых методов, подобных бухгалтерским. (См.: *Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. В 5-ти т. / Отв. ред. А.Г. Худокормов.* – М.: Мысль, 2005. Т. III. С. 367-368).

²⁵ *Струве П.Б.* Научная картина экономического мира и понятие «равновесия». С. 23.

²⁶ *Струве П.Б.* Научная картина экономического мира и понятие «равновесия». С. 24.

²⁷ См.: *Билимович А.Д.* Два подхода к научной картине экономического мира // *Экономический Вестник.* Берлин. 1924. Кн. 3 (1). С. 3-32.

²⁸ Там же. С. 3.

²⁹ *Билимович А.Д.* Два подхода к научной картине экономического мира. С.3.

³⁰ Там же. С. 6.

³¹ Там же. С. 7.

³² См.: там же. С. 19-22.

³³ *Билимович А.Д.* Два подхода к научной картине экономического мира. С. 28.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 32.

³⁶ *Струве П.Б.* Первичность и своеобразие обмена и проблема «равновесия». Ответ А.Д. Билимовичу // *Экономический Вестник.* Берлин. 1924. Кн. 3 (1). С. 33-50.

³⁷ *Струве П.Б.* Первичность и своеобразие обмена и проблема «равновесия». Ответ А.Д. Билимовичу. С. 41.

³⁸ Там же. С. 43.

³⁹ Там же. С. 45.

⁴⁰ *Струве П.Б.* Первичность и своеобразие обмена и проблема «равновесия». Ответ А.Д. Билимовичу. С. 47.

⁴¹ Там же. С. 49.

⁴² Там же. С. 36.

⁴³ *Струве П.Б.* Первичность и своеобразие обмена и проблема «равновесия». Ответ А.Д. Билимовичу. С. 50.